

жет гордиться существованием маленького авторского коллектива, использующего как кукол, так и живой план, теневой и предметный театр. На этот раз премирован **Вячеслав Житков** — режиссер трогательного детского спектакля **«Кораблик, или Куда приводят мечты»** по рассказу **Б. Житкова**.

В конце обзора большой афиши фестиваля нужно назвать других лауреатов премии. Это студент консерватории, талантливый молодой артист и настоящий Д'Артаньян **Александр Уманчук** в мюзикле **М. Дунаевского «Три мушкетера» Камерного музыкального театра**, режиссер **Отар Дадишвилиани** и артистка балета **Регина Белоглазова** в **«Спартаке» А. Хачатуряна Театра оперы и балета**, артист **Анатолий Наумов** в сказке для взрослых **А. Курейчика «Сбитый дождем» Саровского театра драмы**.

К сожалению, давно не становится творческой удачей художественное оформление спектаклей. Чаще всего сценография выполняет второстепенную роль обстановки, места для разнообразных мизансцен, но не несет дополнительных смыслов и не использует новые решения и технологии. Эта и другие проблемы нижегородской театральной жизни осознаются и обдумываются, ведь вся фестивальная неделя, насыщенная рабочими обсуждениями, профессиональными разборами и спорами, попытками понять и услышать, дала сильный толчок не только для последующих разговоров, но и для сравнений, решений и движения вперед, к следующему театральному марту.

Анастасия ДУДОЛАДОВА
Фото Георгия АХАДОВА

НОВОСИБИРСК. Жизнь займы не дали

Наконец-то **Уильямс!** С его томительными безнадежными историями, клубок которых раскручивается медленно, виток за витком, при каждом повороте обнажая то заманчивый блеск, то темную глубину сердцевины. С историями, проникающими под кожу без твоего позволения. Да, знаю, классик. Все про классиков уже написано. Но я не про Уильямса, я про свою радость от того, что спектакль **«Сладкоголосая птица юности»** по пьесе великого американского драматурга в постановке **Андреаса Мерц-Райкова** (Берлин) появился в **Новосибирске, в Театре «Глобус»**. Давно не виделись.

Чего ждешь от Уильямса? Ну, кроме чуда театра? Главного зрительского счастья — наслаждения актерской игрой. Подробной игрой, с двойным, тройным, деся-

тым дном каждого. А ты в зале вырастаешь в спектакль, а потом долго по живому отдираешь его от себя.

«Сладкоголосую птицу юности» Уильямс начинает ремаркой о пальмовой роще на сцене и необходимости достичь «поэтического единства восприятия». На сцене, и впрямь, пальмы, черный вулканический песок. А еще занавес из мишуры. Ну и сверкающие туалеты, широкие кровати, изысканное белье, даже живой саксофонист. Красивая жизнь, короче. Лучший отель в городке на побережье неподалеку от Голливуда.

На белом кадиллаке сюда доставят кинозвезду Александру дель Лаго (**Светлана Галкина**), абсолютно пьяную после провала последнего фильма. Ее привезет красавчик Чэнс (**Максим Гуралевич**). Он когда-то жил в этом городе и вернул-

Александра дель Лаго — С. Галкина, Чэнс Уэйн — М. Гуралевич

ся за Хэвенли (**Мария Сорокина**), дочерью губернатора, чтобы увезти ее увезти в Голливуд. О своем киношном будущем Чэнс заключил с Александрой контракт и таскает с собой потрепанный листок как пропуск в рай. Чэнс вдохновлен перспективами и кажется полным сил везунчиком. Такая вот завязка. Нехитрая.

И покатилося. Бывшая звезда Александра пьет, нюхает кокаин и хватается за попу гостиничного мальчика. Будущая звезда Чэнс пока что жиголо в золотых подштанниках. Его победный апломб тает на глазах, когда тает по ходу действия легенда о городе, где его ждут. И вот уже цепляться в жизни Чэнсу особо не за что, кроме той измятой бумажки с контрактом. Оба героя еще пытаются удержаться, хватаясь друг за друга. В прямом смысле хватаясь, не только переносном. То Чэйн, то Александра униженно и отчаянно, размазав на лице слезы и черный песок, рыдают, просят, зовут, протягивают руки. Беда только, что другой в тот момент высматривает свет в конце собственного туннеля.

Потом свет оказывается миражом и меркнет, роли меняются. И опять не удастся взять жизнь не за рога, так хоть взаимно.

За Александрой, за Чэйном, за некоторыми другими героями наблюдает камера. Прием знакомый, конечно. Но уместный. Мы с вами на съемочной площадке, вы не заметили? Здесь все на вынос, все на публику, и вон даже красный микрофон стоит посерединке. В микрофон торжественно объявляют акты и действия. А также поют. Наверное, неплохо поют (а Хэвенли — Мария Сорокина так и просто замечательно). Хотя не всегда понятно, почему именно сейчас и почему так долго. Но, наверное, стоит не спрашивать, а просто принять правила игры? Шоу продолжается. Томный Вячеслав Кимаев (Хэтчер) в красном блестящем дамском платье и с цветком в волосах эффектен, да. Ну, и саксофонист на сцене зря что ли?

Первое действие катится вязко и медленно. Скучновато? Временами. Но Галкина и Гуралевич поочередно солиру-

Скотти — А. Вольф, Чэнс Уэйн — М. Гуралевич, Мисс Люси — Н. Тищенко, Флай — Н. Зайцев, Хэтчер — В. Кимаев

ют, и это искупает скуку. Галкина—Александра (фирменное изящество жеста, легкий бриз эмоций) вдруг выдает девятый вал страсти и горечи. И спустя мгновение снова это журчанье и звон, и театр одного актера (Александры) перед единственным зрителем (Чэйном). Гуралевич—Чэйн выступает то с удалью киногероя, то с надрывом, то со страхом и болью. Диалогов нет. Есть слова в пустоту. Единственный диалог случается у Чэйна с доброй тетушкой Нонни (**Ирина Нахаева**) на кладбище, возле могилы матери Чэйна. Из темной глубины сцены он транслируется на экран, и вот мы уже прониклись и опечалились. Однако Чэйн улыбается с экрана: антракт! Продолжение в следующей серии.

Во втором действии блюз сменяется рэгтаймом, губернатор папа Финли в белом костюме (**Евгений Важенин**) быстро и безапелляционно разбирается с близкими. С дочерью, той самой Хэвенли (белый воротничок, белые босоножки, холодные глаза), с неверной подру-

гой Люси (кружева и оборки, красное боди, белые подвязки, кудрявый парик блонд, ослепительная улыбка — **Наталья Тищенко**) Важенин излучает силу, он закон, и это не обсуждается. Люси хорошая девчонка, верный товарищ — «свой парень», несмотря на антураж. Оба знакомые киношные персонажи. Оба предсказуемы. От них не ждешь тех сюрпризов, что выдают, не скупясь, Чэйн и Александра. Но за каждым угадывается история, и потому оба интересны.

События и спектакль к финалу катятся под уклон все быстрее. Сначала в баре вместо компании старых знакомых Чэйна, безобидных, хоть и злобных придурков, появляются молчаливые фигуры в белых ку-клукс-клановских капюшонах. Они просто сидят. И это работает: шок вначале, жуть потом. «Расправа неотвратима», — мы понимаем. И Чэйн на полу в агонии своей мечты, конец которой, кажется, пугает его больше, чем реальный конец жизни. И он в последний раз кидается за помощью к Александре.

Но она брезгливо отталкивает его. Александра дель Лаго собрана и царственна, где вульгарность, разнузданность? Где нежность и тоска? Что было игрой, а что настоящим? Она актриса. Ей нужны только роли. И они у нее будут. Но — совсем ничего личного? Что ж, об этом можно подумать после. История не закончена. Есть еще Чэйн.

И к Чэйну приходит кто-то. Невысокий, в красном сверкающем ку-клукс-клановском колпаке и таком же балахоне. Палач? Смерть? Мстители из банды сыночка Финли (**Алексей Кучинский**) явились-таки рассчитаться за позор сестры? Выглядит, правда, персонаж для такой роли странновато. Как в анекдоте «это я, твоя нелепая смерть». Чэйн вон только что запивал водкой горсть таблеток — может быть, это наркотический бред?

Между тем существо, откинув капюшон и оказавшись красивой черноволосой девушкой (**Екатерина Боброва**), принимается поучительно декламировать Чэйну цитату из Николая Островского. Да, ту самую, про жизнь, которая дается один раз. Если это не галлюцинация, то что? Конец фильма.

Возможно кто-то в зале, в отличие от меня, понял, почему закалялась сталь в середине 50-х годов прошлого века в маленьком городке неподалеку от Голливуда. Простите мою недогадливость. Бог с ним, с красным колпаком. Острое послевкусие спектакля оставляет не финал, а рассказ о несбывшемся. Ну и — главное зрительское наслаждение — от актерской игры.

Елена КЛИМОВА

Фото Виктора ДМИТРИЕВА

ОРЕНБУРГ. Бескорыстные чудачки

При упоминании о городе Оренбурге, стоящем на границе Европы и Азии, мы сразу же вспоминаем «Капитанскую дочку» Александра Сергеевича Пушкина, который путешествовал в этих краях и собирал материал для «Восстания Пугачева», а также писателя Сергея Тимофеевича Аксакова — друга Николая Васильевича Гоголя с его удивительной прозой и волшебным «Аленьким цветочком». Прошлое никуда не уходит, оно продолжает питать творчество современных авторов, композиторов, художников, режиссеров, актеров.

Неудивительно, что **Оренбургский областной драматический театр имени Максима Горького**, отпраздновавший свое 160-летие, не прерывает связи с русской классикой, оставаясь верным психологической школе перевоплощения и жизни человеческого духа на сцене. Конечно, это очень непростой путь, тем более труд-

но не поддаваться модным течениям ради сиюминутного успеха и современным вызовам продвинутых режиссеров, объявивших себя демиургами. **Рифкат Исрафилов**, возглавивший театр 20 лет назад, не пытается бежать впереди искусственного прогресса, у него свой взгляд на творческий процесс, собственное мировоззрение и своя философия: ничто так не обогащает зрителя, как вера в добро и человека, не пасующегося перед трудностями и сохраняющего честь и достоинство.

Эти понятия, ставшие сегодня, к большому сожалению, рудиментарными, продолжают его волновать, ставить на эту тему спектакли и в этом же духе воспитывать актеров, составляющих костяк довольно мощной труппы.

Уж казалось бы, что нового можно сказать в пьесе **В. Гуркина «Любовь и голуби»**, прошедшей в сотнях театров, превращенной в сценарий известного филь-